

ВОХДЖАБЕРД

По плану 1960 года предполагалось, что Джрвежская экспедиция продолжит раскопки архитектурного ансамбля у родников Кос-ахбюр в Джрвеже. Ведь там все еще оставались на положении «сирот» те замечательные камни, о которых говорилось и в первом издании результатов раскопок и в начале настоящей работы. К раскрытию были намечены южная оконечность мыса с развалинами ансамбля, очищенная от каменных завалов в предшествующем году, и участок на севере, за раскопанными поздними хозяйственными постройками (давальня с чаном?). Правда, с этой стороны исследователей несколько стесняли посадки леса, которые произвел лесхоз, включивший в свой состав хозяйство и людей ликвидированного джрвежского колхоза. Это последнее обстоятельство, наряду со строительством в Джрвеже крупного промышленного предприятия, привело в конце концов к тому, что намеченный план пришлось изменить и провести раскопки в соседнем селении Вохджаберд (Ողջաբերդ).

Основная трудность, с которой столкнулась экспедиция, заключалась в том, что жители селения были уже заняты в лесхозе и на заводе. По совету джрвежцев мы направились в Вохджаберд, где надеялись подобрать группу рабочих для раскопок у родников Кос-ахбюр, расположенных на полпути от Джрвежа к этому селению. Председатель вохджабердского колхоза Паргев Геворкян, проявивший полное понимание значения археологических работ, быстро организовал необходимую бригаду, но . . . непредвиденное обстоятельство привело нас не к родникам, а на уголья Вохджаберда, где с санкции руководства Института археологии и были начаты раскопки.

Селение Вохджаберд находится в 6 км за Джрвежем на шоссе Ереван—Гарни. После джрвежского плато шоссе, поднявшись, проходит по второй ровной террасе, а затем, преодолев довольно крутой подъем, выходит на холмы, падающие справа в сторону столицы Армении, а слева примыкающие к горному массиву, под отвесными скалами которого и расположилось селение. В скалах обращают на себя внимание чернеющие «глазницы» пещер, неизвестно когда и кем вырубленные как укрытия на случай нападения. За неимением времени мы эти пещеры не обследовали. К тому же без специальных альпинистских приспособлений

во многие из них нельзя попасть. С. Бархударян сообщил нам, что он их осматривал и не обнаружил там никаких следов древних обитателей¹.

Справа от шоссе, за домами и большой тенистой ореховой рощей, под возвышенностью, на которой обосновалось селение, раскинулась относительно ровная площадка, занятая пашней. С трех сторон ее охватывает амфитеатр горных отрогов, а от четвертой, западной — начинается спуск в сторону южной окраины Еревана (табл. 28, 29). Вот на эту-то площадку и посоветовал нам обратить внимание председатель колхоза, так как там была видна кладка из крупных хорошо отесанных камней. Наша первая беседа с вохджабердцами закончилась «экскурсией» к этим камням. Один из старейших жителей селения Маркос Давтян, вызвавшийся быть нашим гидом, для первого знакомства с Вохджабердом повел нас вниз по узкой, очень крутой и обрывистой тропинке; хотя это и был кратчайший путь от селения, мы в дальнейшем предпочли ему более удобную проселочную дорогу. Спустившись на пашню под ореховой рощей, Маркос направился к одному из небольших искусственных бугров, на которых сторожа устраивают свои шалаши. Действительно, около его северной обочины выступала кладка из нескольких крупных хорошо отесанных камней (табл. 30). Тут же на большом камне, лежавшем в траве, были вырезаны крестики и виднелись следы воска и копоты, что свидетельствовало о посещениях этих камней верующими поселянами, зажигающими перед ними свечи. Таким почитанием часто бывают отмечены места, где некогда стояли церкви. Когда об этом мы сказали Маркосу, он вспомнил, что еще в 20-х годах то же самое говорил ему А. А. Калантар, посетивший здешние края.

Раскопки были начаты на участке, примыкающем с юга к заинтересовавшей нас «стенке», так как можно было ожидать, что здесь окажется алтарная часть разрушенного памятника. Это предположение оправдалось в первый же день работ: в полутора метрах от «стенки» появились северо-восточный угол древней постройки и начало граненой абсиды, в выступающей на восточном фасаде. Кладка, побудившая нас предпринять раскопки, оказалась совсем недавнего происхождения, и все ее отношение к раскапываемому памятнику заключалось в том, что в ней были использованы его облицовочные камни. С углублением раскопа выяснилось, что в этой части развалин снаружи сохранился лишь первый ряд крупных облицовочных плит (выс. 52 см). Ниже, одна за другой, открылись три массивные ступени основания стен. Эти ступени, как и выступающая абсида, сразу же сблизили вохджабердские развалины с джрвежскими (на кладбище). Как и в Джрвеже, раскопки повели дальше узкой полосой по периметру здания в обе стороны от обнаруженного северо-восточного угла. Снимая слой за слоем, постепенно открывали то, что осталось от стен с внешней стороны. А осталось очень немного (рис. 25—27).

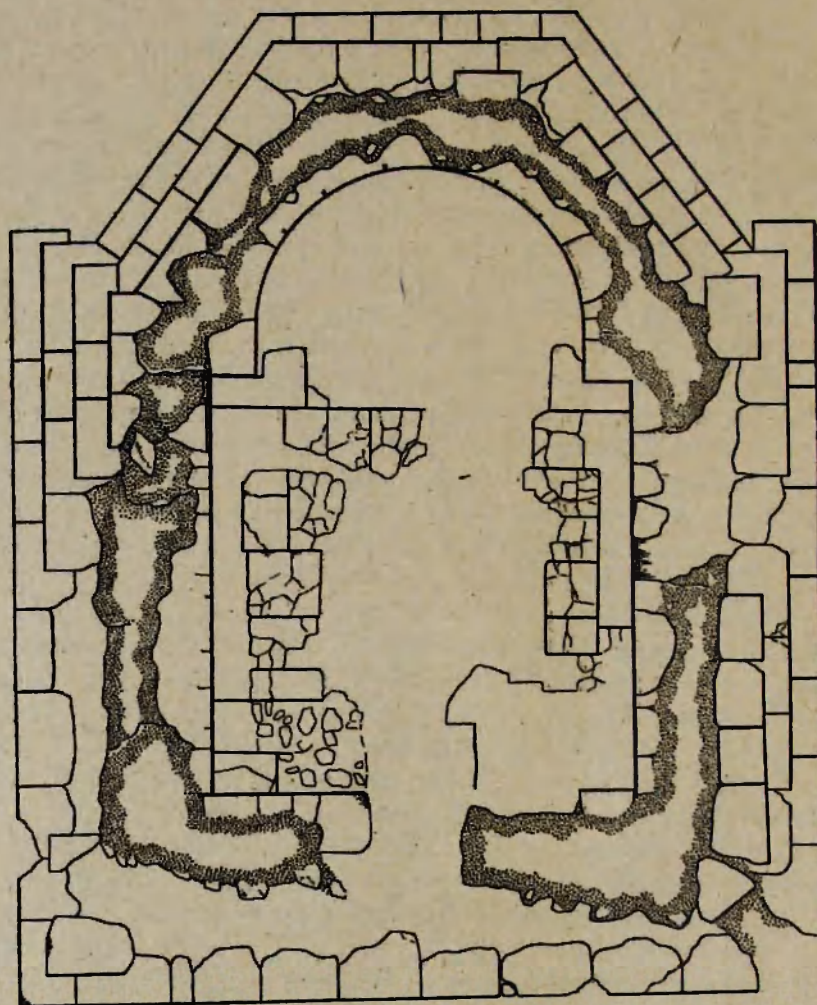
¹ Вохджабердские пещеры упоминаются в трудах: Fr. Dubois de Montpèreux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839—1843, t. III, p. 402. 2. Աղեշ, Արարատ. Հին հայկ, 1890, стр. 288.

Северная сторона: все три ступени и один ряд облицовки у восточного угла; в западной половине — только нижняя ступень и угловой камень второй ступени (табл. 31).

Западная сторона: только нижняя, местами сильно побитая ступень.

ВОХДЖАБЕРД. ЦЕРКОВЬ

план

Обмер 1966 г. М-125 0 1 2 3 4 м

Рис. 25.

Южная сторона: две нижние ступени без западных угловых камней и с большой выбоиной в средней части второй ступени; от верхней ступени сохранились угловой восточный камень и несколько камней, частично сдвинутых с места, в западной части (табл. 32).

Восточная сторона: в связи с повышением почвы абсида имела только две (хорошо сохранившиеся) ступени, являвшиеся продолжением верхних ступеней остальных стен церкви; кроме того, здесь уцелели также отдельные участки первого ряда наружной облицовки абсиды (выс. 45 см), дающие возможность точно восстановить план алтарной части (табл. 33).

Еще до окончания полной уборки земли вокруг развалин стало ясно, что при близком сходстве архитектурных форм памятников в Джрвеже и Вохджаберде объемные их решения не одинаковы. Джрвежская церковь (на кладбище), как и другие постройки такого же «зального» типа, вытянута с запада на восток (2:1, не считая абсиды). В Вохджаберде же основной объем церкви в плане представлялся близким к квадрату (рис. 25). После того как была убрана земля внутри развалин, точный обмер показал, что церковь действительно имела квадратный план с выступающей абсидой, полуциркульной внутри и трехгранной снаружи. Такое отступление от обычной пятигранности нам встретилось впервые². Основные внутренние размеры вохджабердской церкви: восточная и западная стены—408 см, продольные—410 и 400 см; пролет абсиды 408—45×2=318 см. Напомним, что в Джрвеже внутренние поперечники церковного зала и абсиды соответственно равны 408 и 320 см. Также близки между собой и другие размеры. Ступени в Вохджаберде имеют ширину 28—32 см и высоту 26—35 см. Толщина стен меньше: 100 см (один «шаг»!). Чем же объяснить, что при таком сходстве даже в главнейших размерах вохджабердские строители отошли от распространенной вытянутой с запада на восток формы плана и остановились на квадрате, хотя ровный характер местности не препятствовал удлинению здания в западном направлении? Ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с вопросом о виде перекрытия, и нам еще придется к нему вернуться. А теперь закончим описание раскопанных развалин.

Внутри развалин до нас дошли лишь остатки облицовки нижних частей стен, которые четко обозначают все углы помещения. Размеры облицовочных камней только в абсиде приближаются к наружным: в ней полностью сохранились два нижних ряда и несколько камней в третьем (высота, считая снизу,—43, 40, 38 см). В остальной части церкви только в двух местах облицовка поднимается до четвертого ряда; камни в ней мельче,—высота их колеблется в пределах 30—35 см (рис. 27). Пол, выложенный в свое время крупными каменными плитами, дошел до нас с такими изъянами, что не всегда удается установить контур отдельных камней. Он расположен на уровне нижней ступени основания стен. Вторая ступень, возможно, образовывала порог в единственной западной двери. Величина ее проема не поддается определению, так как западная часть церкви после обрушения больше остальных пострадала от деятельности любителей устраивать «каменоломни» в развалинах древних сооружений. Как пока-

² Трехгранные выступы алтарей в двинской и текорской базиликах, а позднее и в багаванском храме являются закономерным следствием обстройки абсиды приделами с юга и севера (см. Н. Тэкарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., рис. 25, 27, 32).

зывают два больших камня, уцелевших на своих местах около углов абсиды (рис. 25, 27, табл. 34), пол алтаря возвышался над полом церкви примерно на 20 см и выступал из абсиды на 28—29 см. Из архитектурных деталей в 1960 году было найдено всего два камня. Один из них, циркульного очертания того же радиуса, что и радиус абсиды, по своему профилю (выкружка с полкой наверху) мог служить только импостом для кон-

ВОХДЖАБЕРД ЦЕРКОВЬ

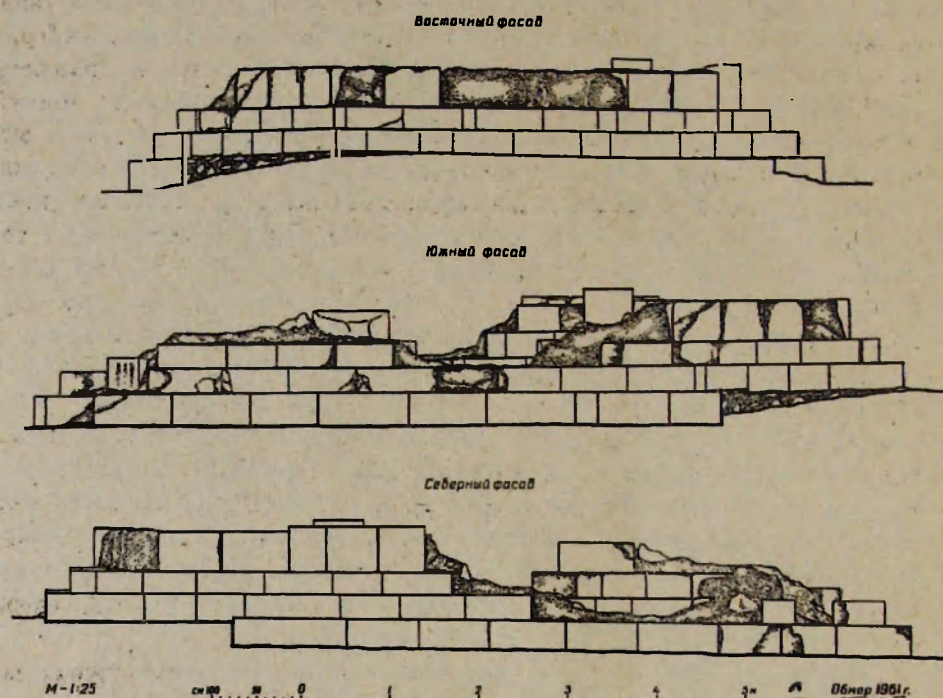

Рис. 26.

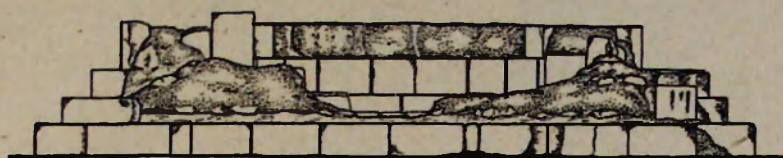
хи, которой несомненно была покрыта абсида (рис. 28, табл. 36). Второй камень — обломок базы колонки диаметром около 37 см. Профиль ее такой же, как в аттических базах: плинт (обломан), вал (4,3 см), полочка (1,7 см), «скозня» (1,8 см), вал (1,7 см), полочка (2,5 см). Общая высота без плинта 12 см (рис. 28, табл. 37). Профиль неполный — отсутствует полочка между скозией и верхним валом. Такие случаи известны и в итальянской архитектуре: примером может служить круглый храм первой четверти I века до н. э. в Тиволи, где также отсутствует эта полочка³. Обломок базы был найден у пролома в западной стене на месте двери. Можно поэтому полагать, что база принадлежит одной из трехчетвертных колонок (диам. около 30 см), стоявших, вероятно, по сторонам дверного проема, которые несли на себе верхнюю часть входного портала — арку и разор-

³ Архитектура древнего Рима. Всеобщая история архитектуры, том II, кн. 2. М., 1948, стр. 85, 86.

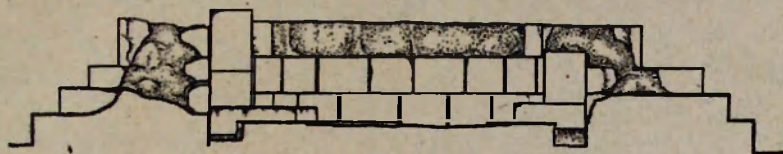
ванный его фронтоном. К сожалению, восстановить первоначальный вид портала на основании только одного обломка базы невозможно, и приходится ограничиться предположением, что он был такой же, как в других ранних христианских памятниках с порталами на одиночных колонках (Ереруйк, Аван).

ВОХДЖАБЕРД ЦЕРКОВЬ

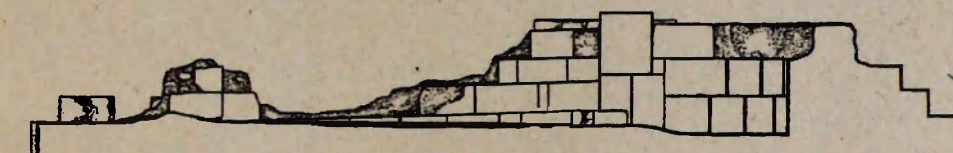
Западный фасад

Поперечный разрез

Продольный разрез

М-1:25

Обмер 1961 г.

Рис. 27.

Как же была перекрыта вохджабердская церковь? Будь она продолговатой — ответ можно было найти, сравнивая ее с другими, современными ей бескупольными постройками; принятые в них стропильные и каменные цилиндрические перекрытия могли быть применены и здесь. Но квадратный план не только не исключал других, центральных, вариантов перекрытий, а наоборот, давал нам повод думать, что сам-то он появился как основа задуманной строителем простейшей центральной архитектурной композиции с соответствующим ей завершением основного объема здания. Деревянное перекрытие, как заметил однажды в беседе с нами А. Саинян, могло быть устроено по примеру кровли сельского дома в форме «шатра» из квадратных или восьмиугольных брусчатых венцов. Более вероятным, однако, мы считали каменный вариант в виде сомкнутого или купольного сводов. Для перекрытия второстепенных помещений (например, приделов) в церквях VI—VII вв. строители охотно применяли крестовый свод, который мог быть знаком им и в предше-

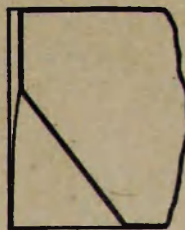
ВОХДЖАБЕРД. ЦЕРКОВЬ

Тромп

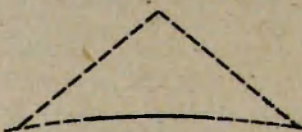
Вид спереди

Сечение

Реконструкция

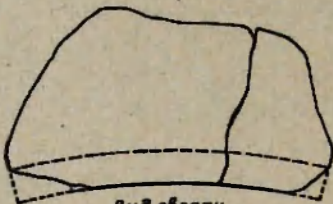
Импост алтарной конхи

Вид спереди

Профиль

Вид сверху

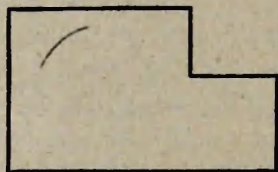
База колонны

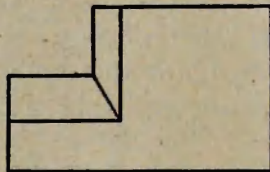
М-1:5
см 10 0 10 20 см

Нижний камень оконного проема

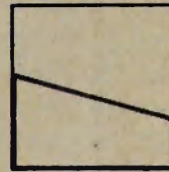
Вид снаружи

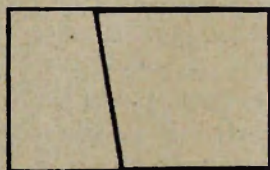
Вид изнутри

Вид сбоку

Вид сверху

Обмеры 1960 и 1961 гг.

М-1:10

см 10 0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 см

Рис. 28.

ствующее время. Он основывался преимущественно на арках, перекинутых вдоль стен между полупилястрами в углах⁴. В вохджабердской церкви таких полупилястр нет, и это обстоятельство значительно уменьшало вероятность перекрытия ее крестовым сводом. Мысль все чаще обращалась к куполу, но, к сожалению, никаких вещественных доказательств его былого существования раскопки 1960 года не дали. Поиски их ввиду окончания экспедиционного сезона пришлось отложить на будущее.

В 1960 году, кроме церкви, которую по всем признакам мы имели основание датировать V веком, были обнаружены остатки значительно более поздних построек и перестроек, произведенных уже после того как она обратилась в развалины. Об этом свидетельствует не только более высокий уровень грунта, на котором эти постройки были основаны, но и нахождение облицовочного камня (а) из полукружия абсиды в поздней кладке на толще разрушенной стены алтаря в северной его половине (рис. 36, табл. 33). Эта кладка образует стенку толщиной в один камень, направленную на восток от церкви. Другая, одновременная с ней стенка отходит от северо-восточного угла к северу. Пространство, огражденное этими стенками и с третьей стороны откосом раскопа было заполнено крупным булыжным камнем в смеси с землей. Каменное заполнение обнаруженной части сооружения было убрано в расчете на то, что в нем могли быть похоронены ценные архитектурные детали. Расчет этот не оправдался; только в самом низу у подошвы алтарной стены лежало несколько крупных кусков плоской черепицы и небольшие обломки желобчатой. После разрушения церкви развалины ее были использованы в хозяйственных целях, о чем свидетельствует обнаруженная в юго-восточном углу внутри церкви нижняя часть глиняного очага, врытого в землю, — тондира. Остатки второго такого же очага откопаны в 130 см к югу от угла абсиды. Дно его находилось на уровне верхней ступени основания стены. Между углами абсиды была установлена преграда из крупных камней высотой примерно в полметра (рис. 36, табл. 35). Чем было вызвано ее появление, сказать трудно, так как здесь в земле было найдено лишь несколько мелких, разрозненных обломков толстостенной поливной керамики XII—XIII вв.

Мелкие обломки такой же поливной керамики простой работы были найдены и на других участках раскопа, преимущественно с внешней стороны развалин. Черепок кирпично-красный, простой рисунок росписи буро-фиолетовый по густо-зеленому фону, светло-коричневый и зеленый по желтому. При этом только в одном случае из обломков, найденных снаружи у северной стены, удалось собрать около половины плоской чаши с небольшими вертикально отогнутыми бортами. Такая скудость керамических находок вполне объяснима, так как среди предметов богослужебного обихода не могло быть значительного количества керамики, предназначавшейся прежде всего для бытовых нужд.

⁴ Еремян А. Храм Рипсимэ. Ереван, 1955, черт. 12, рис. 2.

В насыпи внутри церкви, в центральной части обнаружены разбитая на два куска плита с круглым отверстием (диам. 29 см) и большой блок с четвертью у одной из кромок, похожий на дверную притолоку. Однако происхождение их из церкви вызывает сомнение — уж очень грубо эти камни обработаны. Облицовка стен полностью растащена, — извлеченные из земли камни насчитываются единицами.

С западной стороны церкви впритык к нижней ступени обнаружен совершенно опустошенный каменный гроб, который был накрыт двумя плоскими камнями. Судя по размерам (внутри 81×38 см), это было детское погребение. Никаких остатков надгробия не обнаружено. Поскольку крышка гроба находилась примерно на уровне нижней ступени, надо полагать, что захоронение произведено по крайней мере в то время, когда все ступени основания стен были уже скрыты в земле. У северо-восточного угла церкви находится могила с двускатным надгробием, стоящим на уровне нижней ступени северной стены. Рядом с ним в 1961 году открыто еще одно надгробие такого же вида и, вероятно, того же времени, а у западного угла развалин два вертикально поставленных камня, между которыми находилось надгробие, исчезнувшее, вероятно, вместе с камнями из разрушенной церкви.

Итак, непредвиденные организационные затруднения, с которыми экспедиция столкнулась в Джрвеже, привели к открытию в Вохджаберде одного из ранних памятников христианской культовой архитектуры в Армении, который с самого начала представлялся нам как сооружение типа «купол на кубе», не обнаруженного до того в Армении. В случае подтверждения предположения о существовании купола на вохджабердской церкви заполнялся существенный пробел в истории средневекового армянского зодчества, и потому останавливаться на полпути, только на различных догадках было нельзя. По нашему предложению руководство Института археологии решило продолжить в последующие годы раскопки вокруг открытых развалин.

* * *

В 1961 году работы были развернуты с трех сторон от развалин церкви: к югу, востоку и северу. В западной части насыпь настолько мала, что трудно было ожидать нахождения в ней крупных архитектурных деталей, и потому раскопки здесь не производились. Наибольшая глубина раскопа 1960 года (свыше 2 м) была у алтарной абсиды; ясно, что наши основные надежды найти столь нужные остатки перекрытия и таких существенных элементов отделки, как карниз, наличники и т. п., мы возлагали именно на этот участок. Но до него добрались не сразу. Сначала раскоп был расширен в южном направлении между западной и восточной границами раскопанного участка предшествующего года. Здесь у восточной границы раскопа 1960 года, почти у самой поверхности земли, были най-

деи большой облицовочный блок и левый наружный нижний камень из оконного проема, имеющего уширение во внутрь здания (рис. 28)⁶.

По мере углубления нового южного раскопа в восточной его части стали появляться крупные камни позднего сооружения, которые после полной очистки от земли оказались остатками стены, идущей с востока на запад и заканчивающейся напротив абсиды подобием округлой башни, обращенной своим выступом к югу (рис. 36, табл. 33). Стена и «башня» сложены из дикого камня, образующего своеобразную облицовку, внутри которой все пространство заполнено крупным булыжником и землей, как в сооружении с северной стороны абсиды, о котором уже было сказано выше. Толщина стены около полутора метров, а поперечник «башни» — около трех⁷. Подошва их расположена на уровне верха второй ступени южной стены. Вся постройка была очищена от скрывавшей ее земли в 1962 году и о ней будет сказано ниже.

Как видим, новый южный раскоп 1961 года тоже не дал ничего для установления вида перекрытия и характера отделки раскопанной церкви.

К востоку от развалин работы пошли широким фронтом от поздней стенки с северной стороны абсиды до южной границы нового южного раскопа. И вот на небольшой глубине около поздней стены, о которой только что шла речь, были найдены один за другим два больших камня с вырезанными в них тр о м п а м и (табл. 38). К сожалению, лицевая поверхность обоих оказалась в значительной мере сбитой и только на одном, над верхом полуконуса, сохранился небольшой участок, позволивший установить, что она была не плоская, а шла по дуге круга с радиусом около 195 см. Размеры этого камня, показанные на обмере (рис. 28): ширина — 70,5 см, высота — 51,3 см, толщина — около 40 см; радиус лицевого полукружия трюмпа — 33 см, глубина его в центральной части — около 30 см. Второй камень имеет примерно такие же размеры.

Теперь не оставалось сомнений в том, что раскопанная церковь имела сводчатое перекрытие на трюмпах. На первый взгляд могло показаться, что все уже ясно, — ведь в известных нам купольных церквях Армении доарабского времени повсеместно применялся рационально разработанный трюмповый переход к восьмигранному барабану, завершенному полусферой. На самом деле, возникли новые серьезные затруднения, так как при малых размерах трюмпов (70,5 см) нельзя было создать классический переход к восьмиграннику со стороны в 169 см⁷. Значит, все эти постройки

⁶ При сравнении оконного камня с облицовочными плитами, извлеченными из земли, и камнями в сохранившихся частях церкви обращает на себя внимание более грубая обработка его поверхностей. Возможно, что он происходит из другой постройки.

⁷ Размеры даются с округлением в связи с характером кладки. Так как в заполнение могли попасть архитектурные детали из раскопанной церкви, мы извлекли из «башни» камни и землю. После их просмотра все было засыпано обратно. Никаких древних предметов здесь не оказалось.

⁷ Здесь сразу же следует отметить, что найденные трюмпы были основными, стоявшими в углах непосредственно на стенах здания, о чем свидетельствует угол при вершине полуконуса, почти равный прямому (табл. 39).

не могли подсказать решение вопроса о виде перекрытия вохджабердской церкви. В зодчестве первых веков христианства в Армении известен памятник, в котором в переходе к своеобразному куполу видны крошечные тромпы в углах. Это — собор в Текоре⁸. Купол его имел вид «куба» с восьмигранной пирамидальной кровлей⁹, заключавшего в себе объем сложной конфигурации, образованный восьмью наклонными плоскими трапециями (рис. 29)¹⁰. Четыре из них, поднимавшихся от стен, сужались кверху, а остальные четыре, основанные на угловых тромпах, наоборот, расширялись. Верхние кромки этих плоскостей создавали правильный восьмиугольник, на котором, по мнению Тораманяна, первоначально покоился пирамидальный шатер (рис. 29), а позднее — полусфера¹¹. Встает во-

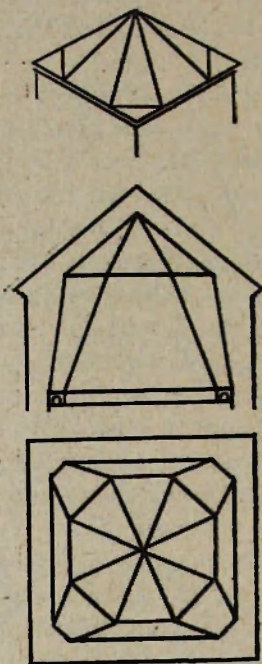

Рис. 29.

прос—не могло ли завершение церкви в Вохджаберде быть таким же, как в Текоре? По нашему мнению, два обстоятельства исключают подобную возможность. Первое — это вогнутость лицевой поверхности камней с тромпами, которая неизбежно должна была перейти и на вышележащие ряды кладки, так как иначе ее не стали бы и делать. А это вносило ненужный разноречивый в продуманную комбинацию наклонных плоскостей. Второе, более важное — связано с самой структурой купольной композиции в церковном зодчестве Армении, где купол всегда выделяет главный, центральный объем, подчеркивая его первостепенное значение в общей компоновке масс здания. Не представляет исключения и собор в Текоре. Вохджабердская же церковь с ее простым квадратным планом представляла не обстроенный куб, к которому только с восточной стороны примыкала алтарная абсида, и поэтому возведение на ней купола, подобного текорскому, не имело смысла и лишь обращало церковное

здание в несуразную башню с колодцеобразным интерьером. Сказанным и исчерпываются возможности установления вида перекрытия церкви в Вохджаберде путем сравнения с другими, близкими ей по времени памятниками церковной архитектуры Армении. Можно лишь полагать, что

⁸ Торос Тораманян, Собор в Текоре. Материалы по истории армянской архитектуры, том I. Ереван, 1942, стр. 185 и сл. (на арм. яз.). В дальнейшем термин «купол» мы будем именовать всю органически связанную систему, состоящую из барабана (там, где он есть) свода (обычно, полусферы) и кровли.

⁹ Собор в Текоре, рис. 106. Ныне купол разрушен.

¹⁰ Чертеж заимствован из названной работы Т. Тораманяна (рис. 123).

¹¹ Собор в Текоре, рис. 117.

она не имела барабана и центрический свод покоился непосредственно на стенах и тромпах¹².

Несоответствие величины тромпов размерам помещения, вообще несвойственное средневековой архитектуре страны, наводило на мысль о возможном сходстве перекрытия церкви с куполами сасанидских дворцов в Фирузабаде и Сарвистане, где размеры угловых тромпов были также недостаточны для октогонального перехода от квадрата к куполу. В этом отношении особо показательны перекрытия углового зала в сарвистанском дворце, поперечный разрез которого (рис. 30) заимствован нами из труда М. Dieulafoy¹³. К. В. Тревер, ознакомившись с результатами вохджабердских раскопок, посоветовала привлечь в качестве сравнительного материала также персидские малые культовые постройки сасанидского времени — храмы огня¹⁴. Действительно, они

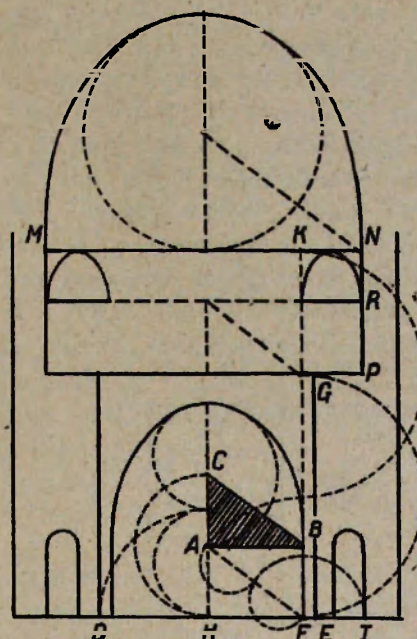

Рис. 30.

весьма близки открытой нами церкви: обычно невелики по размерам, квадратны в плане и в большинстве случаев имеют тромповый переход к перекрывающему их своду¹⁵. Убедительную, обоснованную фактами характеристику этого перехода в персидской архитектуре сасанидской эпохи дает А. Годар¹⁶. Она настолько важна для нашего исследования, что мы излагаем ее здесь с необходимыми подробностями. Автор не согласен с Шуази, когда последний говорит по поводу перехода от квадрата к кругу, что „la solution perse consiste à transformer le plan carré

¹² Следует отметить, забегая вперед, что и раскопки 1962 г., произведенные к востоку от развалин церкви в расчете на получение дополнительных вещественных данных для реконструкции ее перекрытия, не дали ничего нового.

¹³ L'art antique de la Perse. IV. Paris, 1885, p. 28, 29, fig. 23. См. также A. Survey of Persian Art, t. I, London and New York, 1938, рис. 133 (схема).

¹⁴ К. В. Тревер любезно предоставила мне перечень ряда работ, посвященных этим памятникам, за что приношу ей искреннюю благодарность.

¹⁵ С характерными планами храмов огня, известных под названием „чапар-так“ („четыре арки“), а также „чапар-капу“ („четыре двери“), можно познакомиться в сводных таблицах, опубликованных в работах: André Godard. Les monuments du feu. Athar-é Iran. Annales du service archéologique de l'Iran, t. III, f. I, Paris, 1938, fig. 1. L. Vanden Berghe. Récentes découvertes de monuments sassanides dans le Fars. Iranica antiqua, vol. 1, Leiden, 1961, p. 192, pl. V.

¹⁶ André Godard. Voûtes iraniennes. Athar-é Iran, t. IV, f. II, 1949, p. 194, 195.

en un plan octogone avec l'aide de quatre trompes d'angle¹⁷ — „персидское решение [этого перехода] состоит в преобразовании квадратного плана в план восьмиугольный с помощью четырех угловых тромпов¹⁸».

На самом деле, как показывает далее на ряде памятников Годар¹⁹, в персидской системе купольных перекрытий скругление нижней части свода выполняется с помощью либо угловых плафонов (Bazè-Nur)²⁰, либо небольших конических сводов (тромпов), пролет которых в действительности не имеет ничего общего со стороной восьмиугольника. В храме огня (чаһар-так) в Нейсаре расстояния от середины стены до тромпа (AB) и тромпа до угла (BD) — равны, а расстояние от тромпа до центра квадрата (EC) больше расстояния (AC) от стороны восьмиугольника (рис. 31, табл. 40)²¹. В храме Чаһар-капу дворца Хосрова II Каср-и-Ширин АВ больше BD и, вследствие этого, ЕС по отношению к

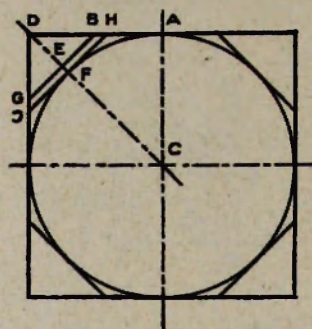

Рис. 31.

АС более велико, чем в Нейсаре²². Еще меньше тромпы в малом из двух куполов в Сарвистане (рис. 30). Совсем крошечные тромпики (minuscules trompillons) видим в Казеруне (табл. 41)²³, Натанце, Иаздихвасте. В Фирузабаде горизонтальное сечение купола на уровне вершины тромпов не является точной окружностью. Во всех этих памятниках октогональности нет²⁴.

Вполне обоснованный и весьма важный вывод!

Для части рассмотренных здесь персид-

¹⁷ Эту выдержку Годар приводит со ссылкой на *Histoire de l'architecture*, t. I, p. 125 (год и место издания не указаны).

¹⁸ Лакоичная, но четкая формулировка Шуази в обоих русских изданиях «Истории архитектуры» дана в вольном переводе, и потому мы сочли необходимым привести французский текст (перевод наш).

¹⁹ *Voûtes iraniennes*, p. 195 (текст Годара дается в комментированном изложении).

²⁰ *Les monuments du feu*, fig. 31.

²¹ Нейсар расположен на дороге между Кашаном и Делиджаном. Храм огня построен в начале правления династии Сасанидов. О Нейсаре см. A. Godard. *Les monuments du feu*, p. 41, 42 и *Voûtes iraniennes*, p. 184 и сл. Из этой работы заимствован наш рисунок в тексте 31 (fig. 161). André P. Hardy. *Le monument de Neisâr, Athar-é Irân*. I. 1938. p. 163—166, fig. 100—106. Fig. 105 (cliché A. P. Hardy) воспроизведена на нашей табл. 40.

²² *A Survey of Persian Art*. t. I, fig. 159.

²³ Maxime Stroux. *Petit monument sasanide près de Kazerun, Athar-é Irân*, II, 1938. p. 135—139, fig. 85—87. На нашей табл. 41 дана фотография из этой работы (fig. 85, cliché M. Stroux).

²⁴ Il n'y a rien d'octogonal en tout cela* (*Voûtes iraniennes*, p. 195). Значит, сказанное о Фирузабаде может быть отнесено и к остальным памятникам, которые называет здесь Годар. Особенности сасанидских куполов хорошо выражены в рисунке, помещенном в *A Survey of Persian Art*, t. I, fig. 131.

ских памятников нами составлена таблица, показывающая соотношения размеров в купольных перекрытиях сасанидской эпохи. Размеры даны в метрах и имеют те же буквенные обозначения, что и на рис. 31. Для сравнения в таблицу включена вохджабердская церковь.

Наименование памятников	Внутренние размеры здания $2AD \times 2AD$	Сторона восьмиугольника $HI=2AH$	Расстояние между тропами по стене $2AB$	Величина тропы BG	Отношение $BG:HI$ в %	Отношение $BG:2AB$ в %	Расстояние от центра до стороны восьмиугольника $CF=CA$	Расстояние от центра до тропы CE
Нейсар (Чаһар-так) . .	6,20×6,20	2,57	3,10	2,19	85,2	70,6	3,10	3,30
Каср-и-Ширин (Чаһар-капу)	16,15×16,5	6,69	8,45	5,44	81,3	64,4	8,08	8,70
Сарвистан мал. углов. зал	5,00×5,00	2,07	3,00	1,41	68,1	47,0	2,50	2,83
Вохджаберд церковь .	4,08×4,08	1,69	3,08	0,71	42,0	23,1	2,04	2,53

При рассмотрении данных этой таблицы создается впечатление, что церковь в Вохджаберде действительно могла быть купольным зданием, сходным с сасанидскими постройками, особенно с близкими ей по размерам храмами огня. Однако, если мы обратимся к деталям тропового перехода, то увидим, что выполнение его в Вохджаберде по персидскому методу было технически неосуществимо. Причины этого будет легко уяснить, если мы предварительно познакомимся с тем, как строились храмы огня — «чаһар-так». Возьмем для примера — памятник в Нейсаре. Здесь в нижней части, приблизительно до половины высоты входных проемов применен мелкий естественный камень, связанный гипсовым (известковым?) раствором; далее до вершины угловых тропов идет кладка из небольших прямоугольных блоков. Арки над проемами сложены из камней, отесанных в виде больших кирпичей. Купол над тропами представляет массив из щебня и того же самого раствора (табл. 40)²⁵. Особый интерес представляет для нас система перехода к куполу. Тропы выложены из мелких камней, окаймляющих полуконус наподобие полуциркульной арки. Такая форма тропов позволяла плавно перевести горизонтальные ряды кладки в переходной зоне из плоскости у середины стен в закругления над углами (табл. 40). Вот тут-то и выявляется основное различие между персидской системой, где троп врезается в основание свода, и тем, что ко времени сооружения вохджабердской церкви было сделано армянскими зодчими на пути к октогональному решению купольной композиции с бараба-

²⁵ Voûtes iraniennes, p. 199, L. Vanden Berghe, говоря в указ. соч. о сасанидских памятниках Фарса, отмечает такую же структуру храма „чаһар-так“ в Кюнар Сиаһ, находящемся к югу от Фирузабада (стр. 177).

ном, которая к концу VI века прочно вошла в их творческий обиход²⁶. Дело в том, что прямоугольная форма лицевой поверхности камней с trompes, обнаруженных в Вохджаберде (табл. 38), препятствовала образованию в углах здания закруглений, включающих в себя trompes, как в Нейсаре. Конечно, камням можно было придать сверху полуциркульное очертание, следующее за дугой полуконуса, что частично было сделано, например, в церкви VI—VII вв., развалины которой обнаружены нами в соседнем селении Джрвеже, у находящихся там родников Кос-ахбюр²⁷. Но вохджабердский мастер так не поступил. Значит, он не старался повто-

План свода и кровли
Реконструкция

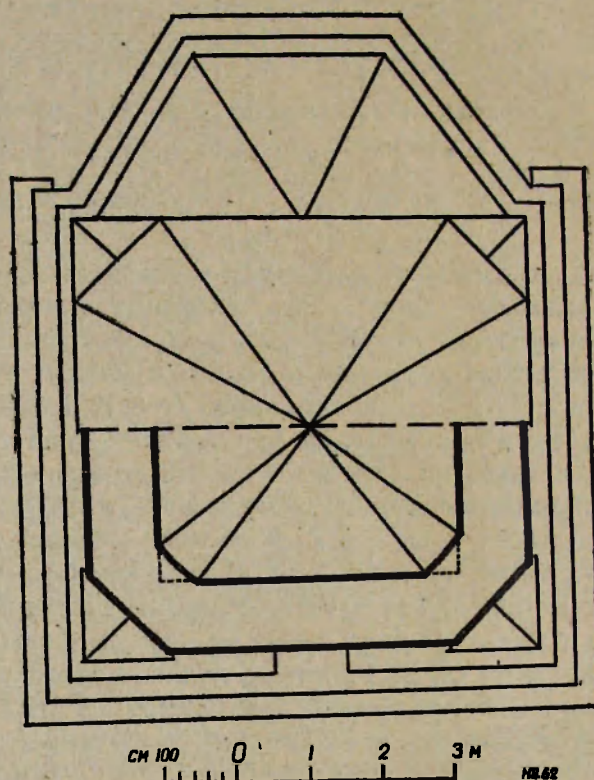

Рис. 32.

рять формы и строительные приемы своих персидских собратьев по профессии, а обдуманно придал переходной зоне с trompes форму восьмигранника, правда, еще не равностороннего, но уже предопределяющего появление в недалеком будущем развитого граненого барабана. Резкое различие видим и в кладке: строитель предпочел иметь дело не с мелким, в зна-

²⁶ Определение, данное Шуази переходу с помощью тромпов от квадрата к восьмиугольнику (стр. 60), в точности соответствует системе, разработанной зодчими Закавказья, которая, как уже показано, не может именоваться «персидским решением».

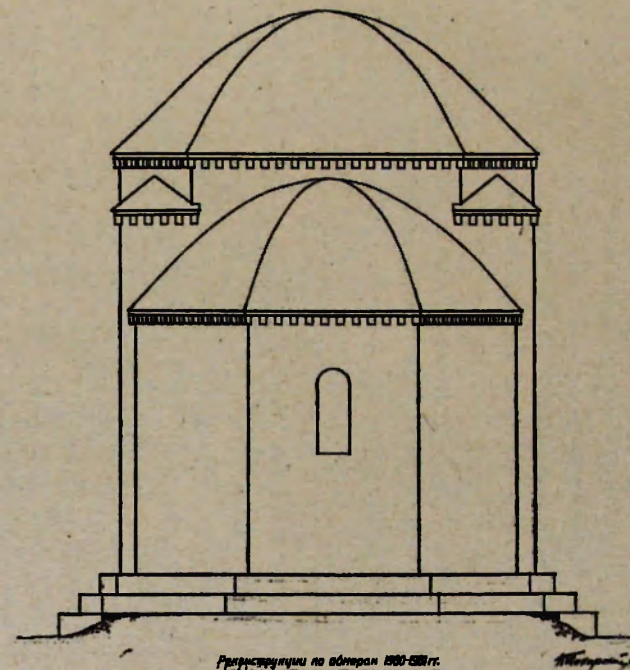
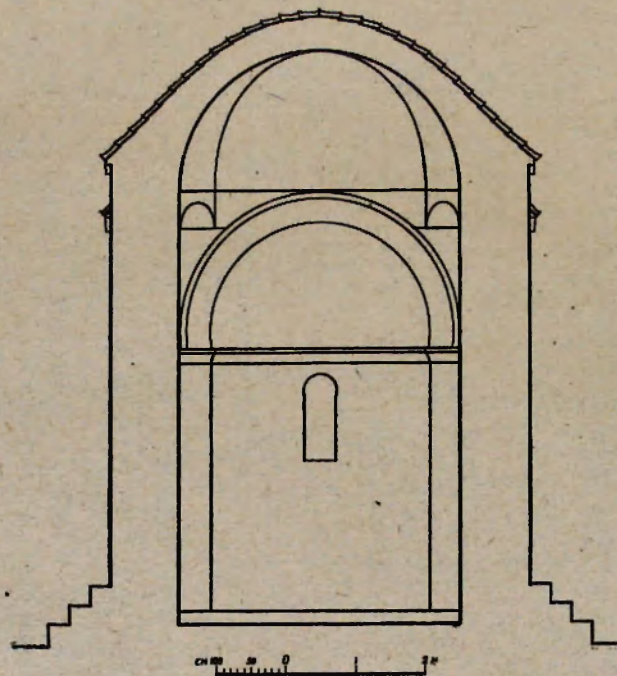
²⁷ Джрвеж I, рис. 11, табл. 4.

ВОХДЖАБЕРД.

ЦЕРКОВЬ

Поперечный разрез

Восточный фасад

Реставрация по материалам 1980-1981 гг.

Рис. 33.

чительной мере необработанным камнем, а с привычными, чисто тесанными блоками, из которых в Армении повсеместно возводились стены, арки и своды монументальных построек. Однако основное затруднение связано не только с формой камней, а и с размерами тромпов. В Вохджаберде они столь малы, что переход с их помощью к своду, в какой-то мере сходному со сферическим, был невозможен. По той же причине не решало этой задачи и применение второго ряда неглубоких тромпов над основными, что широко практиковалось армянскими зодчими в VI—VII вв.

Итак, остается прийти к заключению, что строитель вохджабердской церкви не имел намерения завершить ее полусферой, а задумал применить для перекрытия свод иного вида.

По нашему мнению, стены наверху окаймлял пояс из одного ряда камней высотой 0,51 м с тромпами в углах. В плане он представлял восьмиугольник со сторонами двух размеров (у стен—3,08 м, в углах—0,71 м), который, служа основанием для свода, определял его вид. Это был полуциркульный сомкнутый свод со срезанными над тромпами ребрами (рис. 32—34). Перекрытие квадратного помещения сомкнутым сводом знали в странах Ближнего Востока еще в античность (Сирия. Преторий в Мусмие²⁸), и потому применение его в Армении вполне вероятно.

В срезе ребер свода над тромпами можно усмотреть желание мастера подчеркнуть его куполообразную форму, чему, вероятно, должна была также служить вогнутость лицевой поверхности камней с тромпами, переходившая соответственно на вышележащие ряды кладки свода (рис. 32).

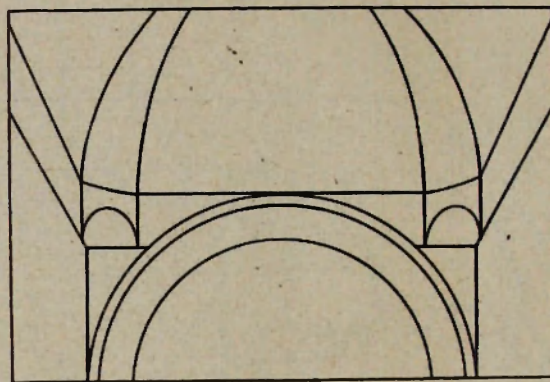

Рис. 34.

Внешний вид церкви на прилагаемом наброске дан в предположении, что он вполне отвечал внутренней структуре здания (рис. 35). Форма кровли показана округлая, так как покрытие ее черепицей, найденной в обломках при раскопках, не вызывает сомнений. Несмотря на необычность завершения церкви в Вохджаберде, полагаем, что ее следует считать купольной, конечно, при условии, что этот термин не будем догматически связывать только с представлением о полусфере.

²⁸ Vogüé. Syrie centrale, Paris, 1865—1877, табл. 7.

Вопросу о происхождении и развитии центрических купольных композиций в Армении, получивших к VII веку распространение в разных вариантах, все исследователи уделяют большое внимание, считая, что основой их в церковной архитектуре является квадратный в плане объем, завершенный куполом. Однако до раскопок в Вохджаберде ни в светской архитектуре, ни среди церквей раннего периода не было обнаружено зданий этого простейшего типа, и исследователям приходилось довольствоваться только предположениями. Теперь важное, недостававшее звено в истории

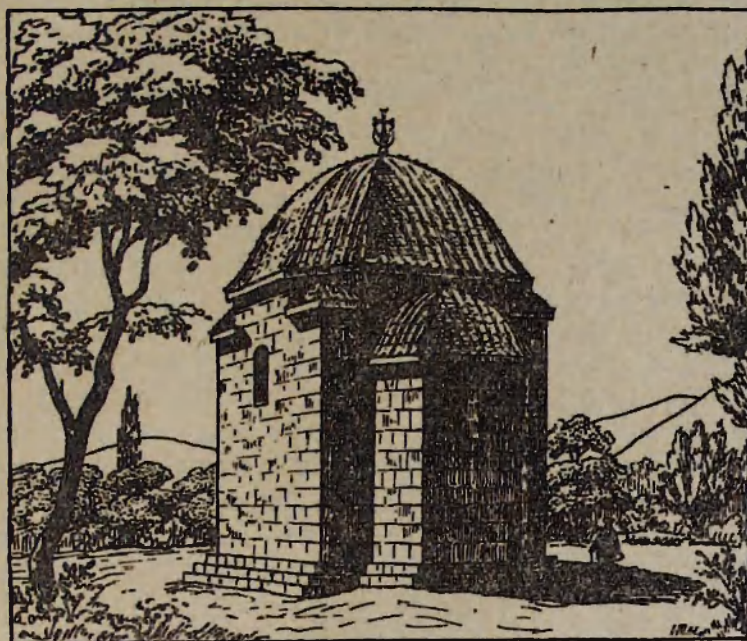

Рис. 35.

армянской архитектуры найдено. Этим и определяются уникальность и научное значение обнаруженного в Вохджаберде памятника, хотя он еще далек от тех образцов раннесредневековой купольной архитектуры страны, в которых купольная композиция нашла свое совершенное выражение. Но следует отметить, что вохджабердский зодчий в своем поиске шел самостоятельным путем, не прибегая к заимствованиям извне, хотя время, когда он строил,—а по нашему мнению, это был V век—отмечено появлением храмов огня и на территории Армении. Известно, что в середине столетия, в годы вынужденного «вероотступничества» армянских князей, в страну были присланы персидские жрецы, и началось сооружение языческих святилищ. Судя по повсеместному распространению в коренной Персии типа «чаһар-так», можно полагать, что такими же были и капища, построенные в Армении. Действия персов вызвали в народных массах всеобщее возмущение, переросшее в восстание, к которому примкнули и нахарары. Жрецы были перебиты, а храмы огня, вероятно, разрушены. Тут уж было не до подражаний и заимствований. Скорее можно думать, что одной из при-

чин, побудивших строителей церкви в Вохджаберде увенчать ее необычным куполом, было стремление исключить возможность сопоставления ее с ненавистными храмами огня. Поэтому нельзя безоговорочно согласиться со Стржиговским, что «армянская конструкция церквей с куполом на кубе была, вероятно, производной иранского влияния (аршакиды)». Он выводит эту конструкцию из недр сельской сырцово-кирпичной архитектуры Ирана и полагает, что она могла получить одинаковое распространение как в церквях Армении, так и в маздеистских храмах²⁹. Мнение видного исследователя можно принять лишь в отношении сасанидских построек, наиболее ответственные части которых выкладывались из камня, отесанного на подобие кирпича (рис. 40). Но если отпадает тезис Стржиговского об иранском происхождении композиции «купол на кубе» в церковной архитектуре средневековой Армении, то где же искать корни, из которых она развилась? По нашему мнению — в архитектуре армянских языческих святилищ. К сожалению, за отсутствием вещественных данных, мы имеем о них весьма смутное представление. Ряд исследователей (Тораманян, Стржиговский, Кафадарян, Саинян)³⁰ в своих работах высказывает предположение, что некоторые ранние церкви-залы (Дираклар) и базилики (Текор, Двин, Касах) являются перестроенными языческими храмами и, основываясь на своем предположении, пытается воссоздать их облик. При этом упускается одно немаловажное обстоятельство — особенности языческого и христианского культов. Церковь являлась общественным зданием, которое должно было вмещать и священнослужителей и молящихся. Языческий храм был только святилищем, где стояли статуи богов, горел священный огонь и т. п. Сюда имели доступ лишь служители культа, а все присутствующие при совершении религиозных обрядов располагались на открытом воздухе в округ него. Значит, архитектурная композиция подобных зданий не зависела в отношении их размеров от количества присутствующих на различных ритуальных церемониях.

Сведения о языческих храмах Армении, сообщаемые древними авторами, также весьма скудны. В их сочинениях можно найти названия городов и селений, где находились святилища, да приукрашенные рассказы об их богатствах³¹. Вполне возможно, что в особо чтимых, посещаемых многочисленными паломниками религиозных центрах, храмы одновременно являлись хранилищами для накопленных сокровищ и потому могли

²⁹ Josef Strzygowski. Le Temple du Feu. Revue des arts asiatiques, № 1, 1927, Paris, p. 9.

³⁰ Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры. I. стр. 85, 130, 189. J. Stizugowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918, I, стр. 140, 378, II, стр. 791. А. Саинян. Ук. соч., стр. 242. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, стр. 268.

³¹ В приложении 14 (Очерк религии и верований языческих армян) к переводу «Всеобщей истории Степаноса Таронского» Н. Эмин приводит наименования городов, селений и деревень, в которых стояли храмы и жертвенники, основываясь на сочинениях Зеноба Глака, Агафангела, Фавстоса Бузанда и Моисея Хоренского («Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия». Перевод и объяснения Н. Эмина. М., 1864, стр. 298).

отличаться от основной массы культовых построек величиной и формами, а рядовые святилища, рассеянные по селениям страны, были невелики и сходны между собой, как персидские «чаһар-так»³². Встает вопрос,— не была ли их архитектурная композиция прообразом малых армянских церквей типа «купол на кубе», подобных вохджабердской. Следует пожелать, чтобы историки тоже уделили внимание этой важной теме и для начала составили корпус материалов об армянских языческих храмах и языческом ритуале, имеющихся в трудах древних авторов.

С исследованием развалин вохджабердской церкви было связано и продолжение раскопок к востоку от нее в 1962 году. Сюда в грунт уходила стена с «башней» и каменная кладка, начинавшаяся у северной грани абсиды; теплилась надежда, что в этих поздних постройках могли быть использованы столь недостававшие архитектурные детали (камни из сводов, карнизов, обрамлений окон и др.). К сожалению, наши ожидания не оправдались.

Раскопанное здесь сооружение представляет четырехугольную площадку, примыкающую к церкви, огражденную с трех сторон толстыми стенами (рис. 36, табл. 42, 43). У церкви расстояние между продольными стенами равно 6,20 м, в восточной части—6,78 м. Расстояние от нижней ступени абсиды до середины поперечной стены, идущей несколько наискось—7,75 м. Наибольшая высота сохранившихся кладок около 0,75 м. Восточные углы снаружи были усилены округлыми «башнями», от которых сохранилась только забутка из крупного булыжника и земли (табл. 43). С наружной стороны в стенах использованы облицовочные камни из разрушенной к тому времени церкви. Остатки нижнего ряда такой кладки открыты в восточной части постройки, причем в юго-западном углу он переходил и на «башню» (табл. 42). На плане эти участки стены вычерчены по линейке (рис. 36). На площадку вел узкий проход между церковью и западным концом южной стены. Северная стена в западной части упиралась в каменный массив у северо-восточного угла церкви, о котором говорилось выше. Оконтурировать его и выяснить назначение при раскопках 1962 года нам не удалось за недостатком времени. Внутри новых стен раскоп был углублен ниже их подошвы примерно на 60—70 см до уровня почвы, на котором основаны ступени церкви. У поперечной стены обнаружены остатки караса, заглубленного в землю в опрокинутом положении, горлом вниз. От него сохранилась только наиболее широкая часть, примыкающая к горлу, и потому невозможно установить, где было срезано дно для доступа в сосуд. Назначение его не ясно: отсутствие поддувала и следов действия огня на стенках как будто говорит против того, что это был своеобразный очаг — тондир, но с другой стороны, чем можно объяснить нахождение в нем небольшого количества золы, а главное, столь неестественное положение, исключающее возможность использования его по прямому назначению. Наибольший диаметр караса — 70 см; горло имеет

³² Характерно, что храм огня Чаһар-капу во дворце Каср-и-Ширин имеет в стороне размер 16, 15 м, а многочисленные «Чаһар-так» — всего 5—6 м.

диаметр — 32 см и высоту — 30 см; толщина стенок — 2 см. Глубина, на которой он был обнаружен, дает основание полагать, что верх его находился примерно на уровне первого ряда кладки поперечной стены и, следовательно, был вкопан в землю вскоре после ее сооружения. У основания этой же стены найдены два камня: обломок несложной базы, состоящей из сплюснутого вала и почти полностью утраченного плинта (ширина и высота вала — 7,5 см, диаметр колонны — около 38 см); обломок плиты с частью циркульного выреза, завершавшей оконный проем шириной около 35 см. Плита отличается от облицовочных камней церкви меньшей тщательностью обработки и, вероятно, происходит из какой-то другой постройки. Собрано также ничтожное количество мелких обломков поздней толстостенной поливной керамики, попавшей в насыпь случайно, как мусор, вместе с каменной мелочью.

Снаружи была расчищена на небольшую глубину узкая полоса, прилегающая к стенам (табл. 42, 43).

Наиболее вероятное назначение раскопанного сооружения — загон для скота, появившийся здесь после обрушения церкви, происшедшего, вероятно, во время катастрофического землетрясения 1679 года, о котором сообщает историк Захария Канакерский.

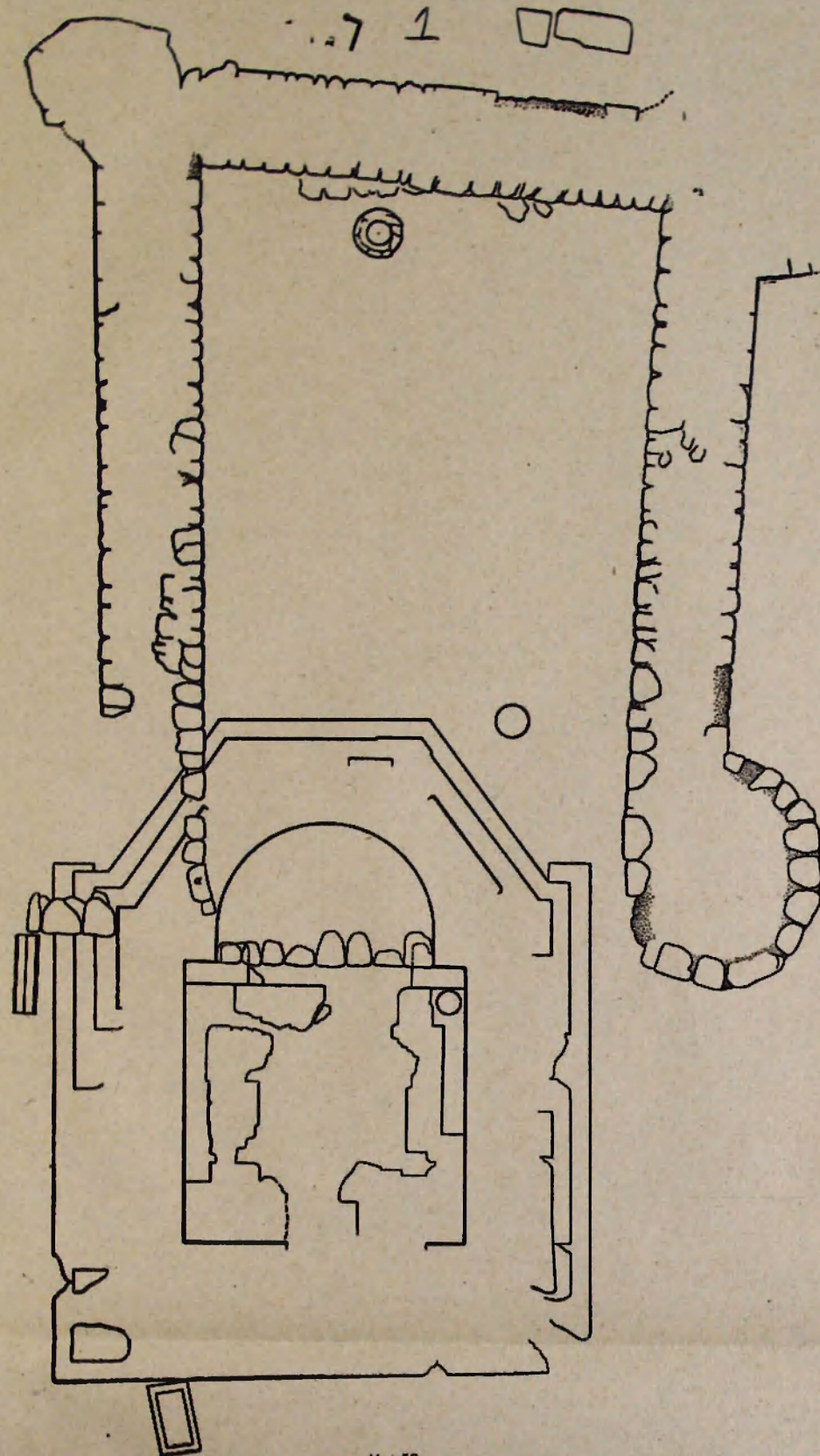
Возвращаясь к работам Джрвезжской экспедиции в 1961 году, следует вкратце сообщить о небольшой разведке, произведенной к западу от церкви.

Когда идешь от шоссе к месту раскопок по проселочной дороге, огибающей с юга ореховую рощу, прежде чем спуститься на пашню, где были открыты развалины церкви, невольно задерживаешься перед величественной панорамой, с плывущей в небе, словно облако, снежной шапкой Масиса и утопающей в голубых далах плодородной Араратской равниной. Между сбегающими вниз отрогами гор на западной окраине вохджабердской пашни сразу же обращает на себя внимание холм, направленный подобно мысу в сторону предместий Еревана (табл. 29). Так как по некоторым признакам можно полагать, что в древности селение было не наверху, а на месте нынешней пашни с центром около церкви, появляется мысль, — не было ли на этом холме укрепленной резиденции феодала — хозяина здешних мест³³. К тому же при обследовании плоской (тоже распаханной ныне) верхушки холма были подобраны куски известкового раствора. И хотя местные жители утверждали, что здесь было кладбище, мы решили произвести разведку у верха южного склона холма, полагая, что он мог быть окаймлен крепостными стенами. Ведь не без реального основания в название селения входит слово *բերդ* — крепость, которое старожилы склонны связывать с пещерами, считавшимися неприступными.

Разведочный раскоп на холме был невелик — всего 4,0×4,0 м и пото-

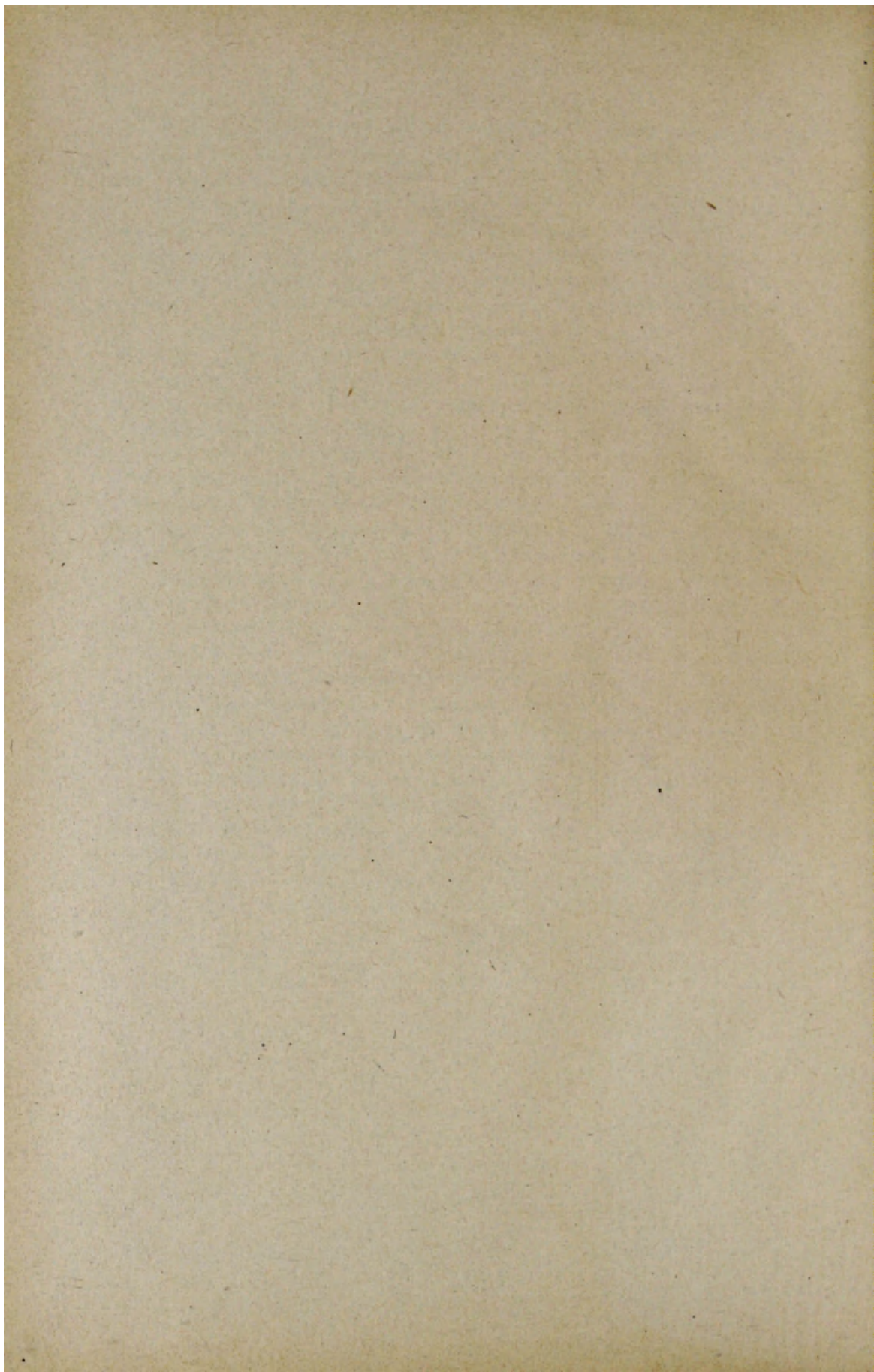
³³ Одним из признаков нахождения здесь селения могут служить, например, остатки врытого в землю караса, открывшиеся при устройстве оросительной канавы. Такие карасы, как известно, предназначались для хранения продуктов и помещались в кладовых и амбарах около жилья.

ВОХДЖАБЕРА
ЦЕРКОВЬ. ПОЗДНЕЙШИЕ ПОСТРОЙКИ.
ПЛАН

М=1:50
0 1 2 3 4 5 м
Длина 100-12 м

Рис. 36.

му отрицательные результаты не могут считаться окончательными. При раскопках на том месте, где мы надеялись найти остатки укреплений, оказались две могилы, расположенные на склоне холма одна под другой (рис. 37, табл. 44). Стенки могил выложены камнями. Обращает внимание, что один из камней, накрывающих верхнюю могилу, чисто обтесан и имеет в середине круглое отверстие (ясно, что первоначальное его назначение было иное). Вопрос о существовании крепости на холме не может

**ВОХДЖАБЕРД
ХОЛМ К ЗАПАДУ ОТ РАСКОПАННОЙ ЦЕРКВИ
РОСКОП НА ЮЖНОМ СКЛОНЕ. ПЛАН МОГИЛ.**

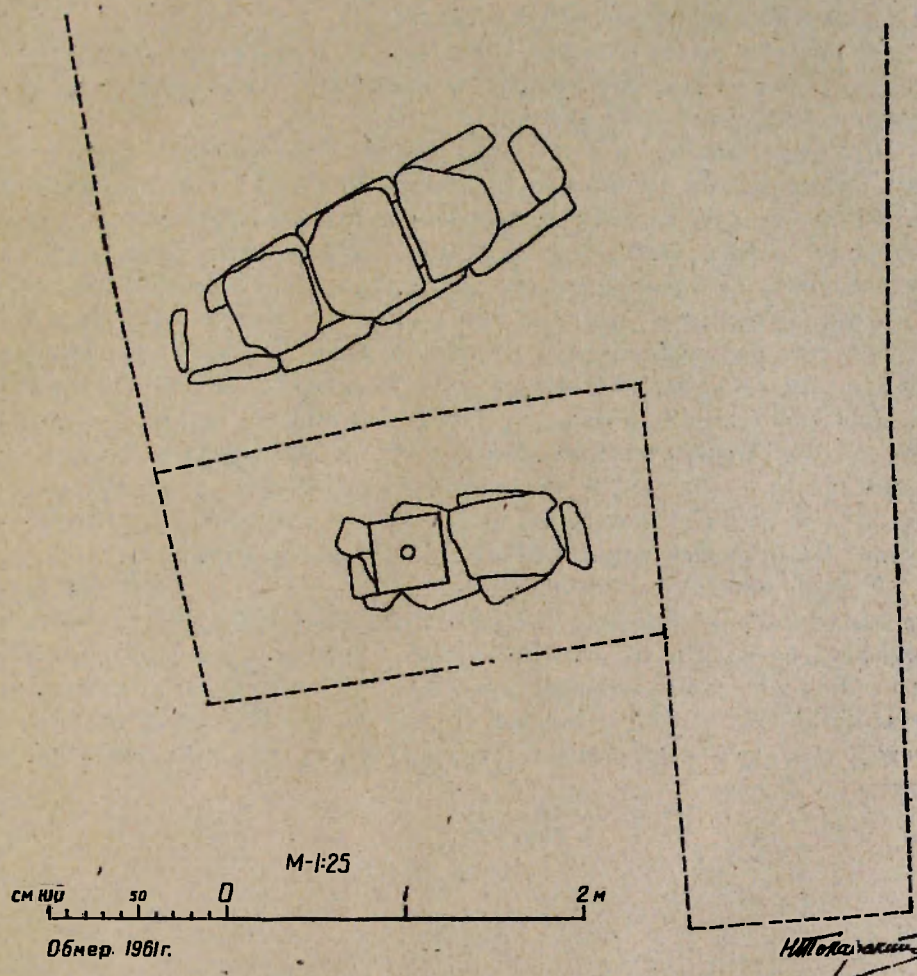

Рис. 37.

считаться решенным на основании результатов небольшой разведки 1961 года и здесь следует продолжить изыскания.

* * *

Результаты работ 1958—1962 гг. представляют значительную научную ценность, так как дали новые материалы по истории армянского зодчества первых веков христианства.

Церковь на джрвежском кладбище, которую с полным основанием можно датировать V веком, явилась еще одним из немногочисленных образцов церкви-залы с выступающей наружу алтарной абсидой.

Большой интерес вызывают результаты раскопок монументального надгробия на ступенчатом стилобате, позволившие весьма убедительно реконструировать вид подобных мемориальных сооружений и находящейся рядом с ним подземной усыпальницы.

И, наконец, немногословная надпись на надгробии тэра Сиона представляет один из тех немногих древнейших памятников армянской эпиграфики, которым место в музее.

Церковь в Вохджаберде не велика по размерам, проста по своим формам, не отличалась пышностью убранства, но, несмотря на это, должна быть отнесена к ценнейшим памятникам армянского зодчества, так как позволяет создать представление о развитии купольных композиций в средневековой Армении на ранних этапах церковного строительства.

Если переберем в памяти все, что известно об архитектуре христианского культа в Армении в века, предшествующие вторжениям арабов, то среди творений зодчих этой эпохи увидим памятники, сооруженные некогда в древних селениях Котайка. Тетраконхи в Аване и Арамусе, «купольная зала» в Птгни, открытые нашими раскопками церкви в Джрвеже и Вохджаберде,—ведь это все «первенцы» разнообразных решений церковных зданий, на основе которых шло дальнейшее развитие армянского зодчества (более ранние памятники этих типов пока не известны).

В заключение заметим, что раскопки 1960—1962 гг. подтвердили также высказанное нами мнение, что в Котайке работали мастера, сыгравшие выдающуюся роль в творческом развитии архитектурной и инженерной мысли в стране и направившие ее, в частности, на разработку обширной темы купольной церкви (Джрвеж, I, стр. 63), в чем и достигли выдающихся успехов, как показывает сравнение памятников в Вохджаберде и Аване.